

Бестселлер Amazon

РЕЙЧЕЛ
КЕЙН

ВОЛЧЬЯ РЕКА

Москва
2020

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
К33

Rachel Caine

WOLFHUNTER RIVER

Text copyright © 2019 by Rachel Caine, LLC.
This edition is made possible under a license arrangement
originating with Amazon Publishing, www.apub.com,
in collaboration with Synopsis Literary Agency

Разработка серии А. Саукова

Кейн, Рейчел.

К33 Волчья река / Рейчел Кейн ; [перевод с английского
М. В. Смирновой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-04-104549-4

Прямо сейчас, пока вы читаете этот текст, сотни серийных убийц разгуливают на свободе. А что, если один из них — ваш муж? Что бы сделали вы, узнав, что в течение многих лет спите в одной постели с монстром?

Чудовищный монстр, бывший муж Гвен Проктор, в течение долгого времени убивавший молодых женщин, — мертв. Теперь она пытается наладить новую жизнь для своей семьи. Но это невероятно трудно. Ведь еще остались поклонники и последователи бывшего. А родственники его жертв до сих пор убеждены в виновности Гвен, в ее пособничестве мужу, — и не прекращают попыток известить ее...

Но есть и другие — женщины, которым каждый день угрожает расправой мужчины. Они ждут от нее помощи и поддержки. Одна из них, из городка Вулфхантер, позвонила Гвен и сказала, что боится за себя и свою дочь. А когда та, бросив все, приехала к ней, женщина была уже мертва, а ее дочь — арестована за убийство матери. Гвен не верит в ее виновность и начинает расследование.

Она еще не знает, что в Вулфхантере ее поджидает смертельная ловушка. Что на нее, как на волка, поставлен капкан. И охотники убеждены: живой она из него не вырвется...

**УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44**

© М. В. Смирнова,
перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-104549-4

ПРОЛОГ

Четыре дня назад

Когда миссис Уиллингем, учительница Элли Уайт, сказала ей, что приехал водитель, чтобы пораньше забрать девочку из школы, Элли сразу поняла, что это не вся правда. Мистер Лу никогда не приезжал за ней раньше положенного времени, если только она не заболела.

— Почему? — спросила Элли. Когда что-то казалось бессмысленным, она задавала вопросы. Может быть, ей и было всего шесть лет, но папа научил ее спрашивать, если она что-то не понимает. Маму немного смущало то, как часто Элли прибегала к этому.

— Боюсь... боюсь, что его попросил об этом твой папа, — ответила миссис Уиллингем.

Она была доброй женщиной со светлой кожей и легкой проседью в каштановых волосах — и хорошей учительницей. Всегда относилась к Элли так же, как к другим, несмотря на то, что у отца Элли было много денег. И даже несмотря на то, что кожа у девочки была темно-коричневая, темнее, чем у любой другой девочки в классе, которые почти все были белыми, как страницы в журнале.

— Папа никогда так не делает, — сказала Элли. — Что-то не так.

Миссис Уиллингем смотрела на нее, но *не на нее*.

— Понимаешь, твоя мама заболела, — пояснила она. — Поэтому твой папа отправил машину, чтобы тебя забрали

и отвезли в больницу, где он находится вместе с твоей мамой. Хорошо?

Она помогла Элли натянуть свитер, который девочка не хотела надевать, но не хотела и оставлять. Потом подала ей рюкзак.

— Миссис Уиллингем, — спросила Элли, глядя на учительницу, — вы плачете?

— Нет, милая. Со мной всё в порядке. Идем уже. Я провожу тебя, водитель ждет.

— А он назвал пароль?

— Назвал, — подтвердила миссис Уиллингем. — Сегодня пароль «дрозд», верно?

Элли кивнула. В четверг был «дрозд». Каждый день обозначала какая-нибудь птица, потому что она любила птиц, а мама всегда называла ее «маленькой колибри», потому что Элли вечно носилась туда-сюда очень быстро. Но «колибри» было для воскресенья.

Миссис Уиллингем спустилась со школьного крыльца, чтобы поговорить с мистером Лу, который ждал в машине на кольцевой дорожке, проходящей между крыльцом и большим мраморным фонтаном. Существовало правило: Элли никогда не садится в машину, пока миссис Уиллингем не скажет, что всё в порядке. Она долго беседовала с мистером Лу и продолжала при этом плакать.

Сегодня было жарко и влажно, но фонтан всегда оставался прохладным и выглядел красиво. Вода била вверх из бетонных ракушек по бортику и падала в большую раковину посередине. Мама говорила Элли, что когда-то в раковине стояла статуя красивой женщины, но некоторые родители велели школе убрать ее, поэтому сейчас она лежит в какой-то кладовке. И это было грустно.

Миссис Уиллингем вернулась к крыльцу и взяла Элли за руку. Та посмотрела на нее.

— Все будет в порядке, — сказала учительница, но голос ее дрожал, а глаза были красными. — Извини, малышка. Но я должна это сделать. У меня тоже есть семья.

Элли стало жалко ее.

— С вашей семьей все хорошо, миссис Уиллингем? — Она не хотела заставлять ее плакать.

— Да, Элли, с ними все будет хорошо. Ты сможешь мне сделать так, чтобы это обязательно получилось?

Элли не знала, как это сделать, но все равно кивнула. Она хотела помочь, пусть даже на самом деле не понимала, почему миссис Уиллингем считает, будто Элли чем-то может ей помочь.

Миссис Уиллингем открыла дверцу и посадила Элли в машину, хотя обычно это делал мистер Лу. Потом обняла девочку:

— Держись, Элли. С тобой все будет в порядке.

— А как же ваша семья? — спросила Элли. — Разве вы не поедете со мной, чтобы помочь им?

Миссис Уиллингем зажала рот рукой, по щекам ее показались слезы, и она просто помотала головой. Потом закрыла дверцу, и тогда Элли поняла, что что-то действительно не так. Миссис Уиллингем солгала ей, но Элли не понимала зачем.

А потом она осознала, что всё хуже, чем она думала, потому что выглядела машина правильно, но пахло в ней не так, как обычно пахло в машине, — там это было немного похоже на кокос, ее любимый запах.

— Мистер Лу? — окликнула Элли водителя.

Замок на дверце закрылся с громким «щелк». Она видела водителя на переднем сиденье — большой мужчина в бейсболке. Сама Элли сидела на заднем сиденье и чувствовала себя меньше, чем обычно. Когда машина тронулась с места, девочка быстро пристегнулась. Мистер Лу *никогда* не начинал движение, пока она не была пристегнута.

— Мистер Лу, что с мамой? Миссис Уиллингем сказала...

Она перестала спрашивать, потому что человек за рулем был не мистер Лу. Глаза, смотревшие на нее в зеркало заднего вида, не были глазами мистера Лу.

— Пристегнись к креслу, — сказал этот человек. Это не был голос мистера Лу. И мистер Лу обязательно сказал бы «пожалуйста».

— Я уже, — ответила Элли. Она была напугана, но не собиралась показывать этого. — Вы знаете пароль?

— «Дрозд», — ответил он. — Правильно?

— Кто вы?

— Я — тот, кто собирается отвезти тебя в безопасное место. Как и просил меня мистер Лу. Хорошо?

— Я позвоню папе, — заявила Элли и расстегнула рюкзак, чтобы достать свой мобильник.

Его не было там, куда она его положила. Элли уж точно не могла нигде оставить телефон. Это была дорогая и нужная вещь, и она всегда клала его в этот карман.

Она почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы, но запретила себе плакать. Они хотели, чтобы она заплакала, — те, кто забрал ее телефон. Те, кто играл с ней в эту гадкую игру.

— Кто вы?

— Никто, — ответил водитель. — А теперь сиди и молчи.

Внедорожник выехал на шоссе. Элли пыталась разглядеть, куда они едут, но быстро запуталась; ей никогда прежде не было необходимости обращать на это внимание. Школа скрылась за холмом, машина еще несколько раз свернула, и Элли теперь уже совсем не понимала, где они находятся.

Она не знала, что делать. Папа всегда говорил ей, что существуют плохие люди, и она не должна идти с теми, кто не знает пароль, но этот человек знал пароль, а без телефона она не могла нажать кнопку экстренного вызова.

— Выпустите меня, — сказала Элли, стараясь, чтобы это прозвучало так же, как у мамы: круто и уверенно. — Вы можете остановиться вот здесь.

— Заткнись, — отозвался водитель. — И сиди тихо. Если поднимешь шум, я тебе пасть скотчем заклею.

Это напугало Элли еще сильнее, чем то, что она сидит в чужой машине и без телефона, но девочка не собиралась

показывать ему свой страх. Она не собиралась плакать. Огляделась по сторонам и попыталась придумать, что еще можно сделать. Дверца не открывалась, так же как и окно. У внедорожника были тонированные стекла, такие же, как в машине мистера Лу, они не пропускали внутрь солнце. Но вдобавок они не давали людям увидеть, что происходит внутри.

Элли осознала нечто ужасное. Она была просто тенью в черной машине за тонированными стеклами; никто не мог ее увидеть, и она не знала, что делать дальше.

Когда Элли начала звать на помощь тех, кто ехал в соседних машинах, водитель свернул, припарковался под мостом среди красивых зеленых деревьев и заклеил ей скотчем рот, а еще связал той же самой лентой руки и ноги. Потом отнес ее к багажному отделению машины, за спинками задних сидений. Там было пусто, не считая спальника, на котором были нарисованы диснеевские принцессы. Элли глухо кричала из-под скотча, извивалась и пыталась освободиться, но водитель положил ее на спальный мешок и покачал головой.

— Лучше усни, — посоветовал он ей и вытер пот с лица. — Нам еще далеко ехать. Веди себя хорошо, и через несколько часов я тебя накормлю. Через пару дней ты будешь дома и сможешь рассказать крутую историю.

Папа всегда говорил ей: «Если плохие люди тебя заберут, не верь тому, что они скажут тебе».

Она не поверила в то, что этот человек вообще отвезет ее домой.

Ей стало очень страшно, когда у нее от плача забился нос и сделалось трудно дышать с заклеенным ртом. Поэтому Элли заставила себя прекратить плакать и начала медленно, ровно дышать. Она по-прежнему была напугана, но к тому же очень устала; наконец просто закрыла глаза и попыталась представить, что находится в другом месте — например, дома с мамой.

Она представляла это так упорно, что и вправду заснула, свернувшись, словно у мамы на коленях. Проснувшись, хо-

тела сказать водителю, что ей нужно пописать, очень нужно, но он разговаривал по телефону, а вокруг было темно и, кажется, они ехали через лес.

Он увидел, как она села, и обернулся. Через лобовое стекло Элли заметила впереди поворот и огибающие его огни фар. Эти огни направлялись прямо на их машину.

Она попыталась крикнуть ему, сказать, чтобы он свернул от другой машины, но водитель нахмурился и сказал:

— Я же велел тебе заткнуться..

И тут другая машина врезалась в них, и все вокруг начало кувыркаться и громко хрустеть, и Элли показалось, что она услышала крик водителя.

«Помогите мне», — хотела сказать она, но ей было слишком страшно и слишком больно, а потом человек перестал кричать и стало совсем тихо.

1

ГВЕН

Огромный темный глаз телевизионной камеры напоминает мне о плохих вещах.

Очень плохих вещах. Я изо всех сил стараюсь держать в уме, для чего сижу здесь.

Я здесь для того, чтобы прямо и честно поведать свою историю.

Потому что уже слишком долго ее рассказывали другие люди, которые лгали обо мне и моих детях.

Вот уже несколько месяцев об этом говорится во всех новостях. «Сбежавший маньяк похищает свою бывшую жену! Стрельба в доме убийств!» Это всегда пишется для того, чтобы произвести максимально жуткий эффект, и содержит, как правило, хотя бы мимолетное упоминание о том, что я была арестована как его сообщница.

Иногда они вспоминают: нужно сказать, что я была оправдана. Большинство вообще предпочитает забыть эту подробность. Мою электронную почту наводнили сотни сообщений — до такой степени, что я просто закрыла ее и больше туда не заходила. Как минимум половина этих людей предприняли долгую поездку до Стиллхауз-Лейк, чтобы попытаться убедить меня открыть дверь и «изложить свою сторону событий».

Но я не настолько глупа, чтобы сделать это, не узнав предварительно, во что я ввязываюсь. Это появление на телевидении заняло почти месяц подготовки: переговоры, га-

рантии того, о чем меня будут спрашивать, а о чем не будут. Я выбрала «Шоу Хауи Хэмлина», потому что у Хэмлина хорошая репутация, он сочувствует жертвам всех преступлений и отстаивает справедливость.

Но когда сажусь в кресло для интервью, я все еще чувствую себя не готовой. Я не ожидала, что на меня внезапно накатит паника, что на шее у меня выступит горячий пот. Кресло слишком глубокое, и я чувствую себя уязвимой, пригнотившись на краешке сиденья. Это всё камера. Я думала, что это пережито и осталось в прошлом, — но нет. Может быть, мне никогда это не удастся сделать.

Камера продолжает глазеть.

Все остальные просто расслаблены. Видеооператор — всего один — болтает с кем-то еще поодаль от своей камеры и ее немигающего глаза. Ведущий шоу совещается с кем-то за сценой, в тускло освещенном, опутанном проводами пространстве. Но я чувствую себя пригвожденной к месту и каждый раз, когда моргаю, вижу другую камеру — установленную на треножнике в заброшенном плантаторском доме в Луизиане.

Я вижу своего бывшего мужа и его ужасную улыбку. Я вижу кровь.

«Не обращай на это внимания».

Студия меньше, чем я ожидала. Сцена — всего лишь маленькое возвышение, на котором вокруг маленького блестящего столика расставлены три кресла. На столике лежит несколько книг, но я слишком нервничаю, чтобы рассматривать их. Гадаю, почему тут три кресла. Быть может, их всегда бывает три? Я не знаю. Не могу вспомнить, хотя я заранее смотрела другие выпуски этого шоу, чтобы понять, чего можно ожидать.

«Ты справишься, — говорю я себе и упражняюсь в глубоком дыхании. — Ты уничтожила не одного, а двух маньяков. Это ерунда. Это просто интервью. И ты делаешь это ради детей, чтобы они были в большей безопасности». Потому что,

если я позволю СМИ рассказывать эту историю без меня, они только ухудшат ситуацию.

Но это не помогает. Мне по-прежнему хочется кинуться отсюда прочь и никогда не возвращаться. Единственное, что удерживает меня на месте, — это вид моих детей, Ланни и Коннора, смотрящих на меня из фойе для участников. Это убого отделанное помещение со звуконепрооницаемым окном, выходящим в студию, — чтобы люди, сидящие в комнате, могли следить за действием. Ланни с преувеличенным восторгом поднимает оба больших пальца. Я каким-то образом выжимаю из себя улыбку. Знаю, что мой макияж потек от пота. Я уже настолько отвыкла краситься, что мне кажется, будто на мое лицо наложили слой латексной краски, сгладив все мои черты.

От прикосновения к плечу я вздрагиваю, а когда оборачиваюсь, вижу перед собой бородатого типа в бейсболке с каким-то предметом в руке. Я едва не наношу ему удар, но потом понимаю, что это всего лишь маленький микрофон с прикрепленным к нему длинным шнуром.

— Я передам вам это; пропустите шнур под рубашкой и прикрепите микрофон к воротнику, хорошо? — говорит бородач. Полагаю, он видит, насколько я взвинчена, потому что делает шаг назад.

Я просовываю крошечный микрофон под подол своей блузки и вытягиваю на положенное ему место; когда я закрепляю клипсу на воротнике, бородач кивает и кладет позади меня в кресло аккумулятор.

— Хорошо, всё работает, — говорит он. Я благодарю его, но благодарности не чувствую. Провод холодит мою голую кожу. Я гадаю, улавливает ли микрофон мое частое неглубокое дыхание. На всякий случай перекальваю его подальше.

— Две минуты, — говорит кто-то из темноты, и я подсакиваю. Ведущий все еще задерживается за сценой. Я чувствую себя совершенно одинокой и незащищенной. Вспыхивает свет, ослепляя меня; мне приходится подавить желание

вскинуть руку, чтобы закрыться от этого блеска. Я сплетаю пальцы, чтобы не вертеть ими в беспокойстве.

При оповещении о минутной готовности на возвышение выходит ведущий. Это крепко сложенный белый мужчина средних лет, темные волосы тронуты серебром на висках. Он облачен в красивый темно-синий костюм, и я немедленно принимаюсь гадать: быть может, я одета слишком просто? Или, наоборот, слишком многослойно? Это непохоже на меня. Такие вещи меня не заботят. Обычно. Но, опять же, я никогда не выступала на телешоу в прямом эфире. Во всяком случае — по собственной воле.

— Добрый день, Гвен, рад вас видеть, — говорит он и пожимает мне руку. Его ладонь кажется теплой по сравнению с моими ледяными пальцами. — Послушайте, ни о чем не беспокойтесь. Знаю, что это действует на нервы, но я помогу вам пройти это испытание, хорошо? Просто верьте мне. Я не дам вас в обиду.

Киваю. Сейчас у меня уже нет выбора. Он улыбается мне теплой улыбкой, такой же температуры, как и его руки. Для него это просто обычный рабочий день.

Я снова пытаюсь сделать глубокий вдох.

Проползают тридцать секунд, потом начинается обратный отсчет. Последние три секунды отсчитываются безмолвными взмахами руки, и на последнем из них улыбка ведущего становится ослепительной. Он слегка подается к камере:

— Здравствуйте, добро пожаловать на чрезвычайный выпуск «Шоу Хауи Хэмлина»! Сначала мы сделаем объявление о том, что во второй части программы нас ждет шокирующий рассказ о похищении маленькой Элли Уайт, но перед этим проведем всестороннее обсуждение дела, которое в последнее время у всех на устах: дела Мэлвина Ройяла. Среди шумихи, поднятой СМИ, пока еще не прозвучал один, очень важный голос. Но нам повезло: сегодня в нашей студии присутствует Гвен Проктор, или, как звали ее прежде,

Джина Ройял, жена знаменитого серийного убийцы Мэлвина Ройяла, который недавно был застрелен в Луизиане во время того, что можно назвать лишь невероятно жестоким нападением на его...

Я больше не могу выдерживать это. Прерываю его:

— Бывшей, — говорю я, заставив Ховарда «Хауи» Хэмлина неожиданно умолкнуть, не завершив это гладкое вступление. — Извините, что встречаю, но я его бывшая жена. Я развелась с ним давным-давно.

Он выжидает полсекунды, потом говорит:

— Да, да, конечно, вы совершенно правы, это была ошибка с моей стороны. К тому времени, как произошел этот шокирующий инцидент, он уже давно был вашим бывшим мужем. Итак, теперь вы предпочитаете называться Гвен Проктор, а не Джинной Ройял, верно?

— Это мое законное имя. — Я официально сменила его, так же, как и имена своих детей. Джинны Ройял больше не существует. Если оглянуться на прошлое, ее изначально почти не существовало.

— Конечно. Итак, Гвен, просто для того, чтобы удостовериться, что наши зрители в курсе этой невероятной истории... Когда Мэлвин Ройял был арестован несколько лет назад после обнаружения женского трупа в том самом доме, где вы проживали вместе, вы также были обвинены в том, что помогали ему осуществлять похищение жертв. Это верно?

— Да, — отвечаю я. — Но меня оправдали.

— Несомненно, оправдали! — В голосе его звучит заученное одобрение. — Но после этого вы ударились в бег, много раз сменив свое имя и место проживания. Почему, если вы были невиновны?

У меня возникает предчувствие, и оно мне не нравится. *Что-то не так.* Я чувствую, что это не будет то спокойное интервью, которое мне обещали.

— Я действительно невиновна. Однако ежедневно мне и моим детям поступали угрозы. Нас преследовали через